

Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978, 157 с.

В последние годы в этнографической науке усилился интерес к использованию массовых статистических источников и количественных методов их анализа. Эта тенденция явилась естественным результатом всего предшествующего развития этнографической науки в СССР.

Исследователи все чаще стремятся получить точную картину реального распространения этнокультурных черт; кроме того, наметилось стремление перейти от исследования отдельных аспектов этнических процессов к изучению устойчивых взаимосвязей между этими аспектами. Одной из работ данного направления является рецензируемый сборник. Уже структура его свидетельствует, что авторы преследовали две основные цели: во-первых, охарактеризовать отдельные стороны этнокультурных процессов в Удмуртии; во-вторых, рассмотреть методы изучения этнокультурных процессов, предпринятого Институтом этнографии АН СССР совместно с НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР.

Помимо пяти статей, написанных В. В. Пименовым, Г. К. Шкляевым и Л. С. Христолюбовой, в нем опубликованы вопросники — «Сто вопросов о жизни, труде и отдыхе» и «Поселение», содержащие материалы для массового этносоциологического обследования населения и для характеристики каждого из населенных пунктов, попавших в выборку по основным экономическим, социально-культурным и этническим параметрам. Публикация методических материалов массовых этнографических и этносоциологических исследований очень ценна и своевременна. Новые исследования должны проводиться с учетом накопленного опыта. Недостаточная информированность порой приводит к дублированию усилий по разработке методик изучения одних и тех же сторон этнокультурных процессов и затрудняет сопоставление результатов исследований, проведенных в различных регионах по разным методикам.

Рецензируемый сборник открывается статьей В. В. Пименова «Количественные методы в этнографии (из опыта работы в Удмуртии)». Автор рассматривает три группы методов, которые могут использоваться при обработке массовой этносоциологической информации: методы традиционной вариационной статистики; методы, связанные с анализом многомерных распределений качественных признаков; и, наконец, методы изучения парных зависимостей между признаками с помощью матричной информации. Сравнивая эти группы, он приходит к выводу, что при обработке данных этнографических и этносоциологических массовых обследований наибольшего внимания заслуживает анализ парных зависимостей (3-я группа), что связано с отсутствием количественных шкал в опросных листах, а также с методическими трудностями, возникающими при попытках многомерного анализа. Безусловно, можно согласиться с В. В. Пименовым в том, что на данном этапе развития опросов самый перспективный метод — это метод анализа матриц парных зависимостей. Однако вряд ли обосновано резкое противопоставление такого подхода анализу многомерных таблиц качественных признаков. Эти две группы методов призваны решать различные задачи. Многомерный анализ помогает максимально подробно изучить влияние небольшого числа факторов на один («зависимую переменную»), а также позволяет ответить, насколько полно использованные факторы объясняют вариацию зависимой переменной. Полученная с помощью таких методов информация особенно ценна при проверке гипотез о причинно-следственных зависимостях между качественными признаками.

И в методическом отношении, и по содержанию интересна статья Г. К. Шкляева «К характеристике современных сельских поселений в Удмуртской АССР». Проведенный в ней анализ направлен на решение важной практической задачи: дать характеристику перспективных и неперспективных населенных пунктов Удмуртии по основным экономическим, демографическим, культурным и экологическим параметрам.

Для обследования было выбрано 100 из 3191 зарегистрированного в Удмуртии в 1970 г. населенного пункта. Используя метод анализа парных зависимостей, автор подошел к решению ряда важных вопросов. Так, он показал, что измерение тесноты связи между различными признаками, учтенными в исследовании, может привести к выделению основных параметров типологии сельских населенных пунктов. Данные подтверждают, что многие социально-культурные параметры поселений в значительной степени определяются функциональным типом поселения. Однако некоторые линии рассуждения в статье остались, на наш взгляд, незавершенными. Так, Г. К. Шкляев ссылается на типологию современных сельских поселений, разработанную для Мордовской АССР В. Ф. Вавилиным, как на возможный образец при исследовании в других регионах страны. Но вопрос о применимости этой типологии к данным по Удмуртии, так же как и вообще вопрос о многомерной типологии сел данной республики, фактически не затрагивается. Неясным остается принцип выборки сел, а также степень надежности результатов анализа по столь небольшому числу единиц при довольно дробной группировке включенных параметров.

Основная задача второй статьи Г. К. Шкляева «К изучению крестьянского жилища и поселений удмуртов (конец XIX — начало XX в.)» состоит в том, чтобы показать,

как отражались особенности социальной организации удмуртского этноса этого периода (проникновение капиталистических отношений при одновременном сохранении некоторых архаических форм общественного быта) на устройстве жилища и организации поселений. В статье выявляются черты и элементы жилищ, общие для всей этнографической зоны (Верхнего Поволжья), а также характерные только для удмуртских жилищ и поселений. Написанная в традиционном этнографическом плане, без использования массовых источников и статистических методов, статья вполне вписывается в общий контекст сборника, так как посвящена выявлению зависимости этнических особенностей элементов материальной культуры от социально-экономических условий.

Одно из достоинств исследования, материалы которого использованы в сборнике, — плодотворное сочетание традиционного этнографического метода опроса информаторов и формализованных социологических анкет. Особенно интересны в этом отношении две статьи Л. С. Христолюбовой: «Обряды, связанные с рождением ребенка» и «Погребальный ритуал удмуртов». Исследователей интересовала степень знакомства респондентов с традиционными удмуртскими обрядами, а также отношение к ним различных социально-демографических групп удмуртского населения. Для статистической оценки реального знания обрядами в исследовании использовался «закрытый» вопрос, имеющий четкие категории ответов. Однако отношение респондентов к конкретной категории («очень хорошо знает обряд», «ясно представляет», «слабо знает» и т. д.) осуществлялось на основе подробного описания того, какие именно детали обрядности и насколько подробно знают респонденты, какое они имеют представление о значении каждой из деталей. Такая типология позволила Л. С. Христолюбовой проследить зависимость степени знания обрядов от пола, возраста, образования, социально-профессиональной принадлежности респондента, его родного языка, этноконтактной среды, этнических ориентаций и т. д.). Показано, что во всех группах доля знающих в той или иной степени обряд превышает долю считающих возможным или необходимым сохранение этого обряда. Отмечено повышение интереса к традиционным обрядам у лиц с высшим и средним специальным образованием по сравнению с имеющими среднее и незавершенное среднее образование. Автору на практике удалось показать, что не противопоставление, а именно сочетание двух названных методических подходов может дать наиболее интересные результаты.

Опубликованные в конце сборника методические материалы по исследованию этнографических аспектов современного образа жизни представляют интерес для читателя уже потому, что содержат ряд оригинальных методических разработок, которые с успехом могут использоваться при изучении этнокультурных процессов в других регионах нашей страны (конечно, с соответствующей ссылкой на источник). Вероятно, не все из вновь предложенных методик одинаково хорошо «зарекомендовали себя» в полевом исследовании. Поэтому в публикациях такого типа, видимо, целесообразны краткие комментарии к отдельным вопросам, в которых отмечались бы трудности, возникшие при использовании методик, а также возможные границы их применимости. При заполнении вопросника для обследования поселений Удмуртии предполагалось использование некоторых данных государственной и ведомственной статистики. Ценность публикации инструментария значительно возросла бы, если бы были точно указаны источники заполнения соответствующих пунктов данного вопросника.

В заключение отметим, что использование статистических методов анализа в данном исследовании имеет своей целью «представить этнос как одну из разновидностей социальных систем, со сложным строением и состоящую из компонент, субкомпонент и более дробных структурных единиц» (с. 5). В данном исследовании речь идет по существу о распределении ряда культурных особенностей по социально-демографическим категориям удмуртского населения республики. Согласно современной теории этноса, «... среди множества свойств, присущих различным общностям людей, к этническим, очевидно, должны быть отнесены в первую очередь те, отчетливо выраженные отличительные дифференцирующие свойства которых обладают устойчивостью»¹. Таким образом, необходимым элементом изучения этноса как системы является сопоставление его культурных характеристик с характеристиками других этносов, в первую очередь контактирующих с ним. Такой подход не отрицает изучения внутриаэтнической структуры, а дополняет его. Изучение и попытки моделирования этноса как целостной системы должны учитывать оба эти момента. В данном же исследовании берется лишь одна сторона вопроса, необходимая, но не исчерпывающая задач изучения этноса как системы. Такое ограничение задач исследования требует соответствующей оговорки, к сожалению, отсутствующей в данном издании.

Отмечая безусловную полезность и содержательность сборника, можно с уверенностью сказать, что аналогичные публикации по материалам других исследований, основанных на массовых опросах, были бы очень полезны с точки зрения совершенствования методики этнографических и этносоциологических исследований.

А. А. Суколов

¹ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 28.